

Неделя 1989 г. 14.05.89

● Это было в те дни, когда Москва готовилась торжественно отметить свое 800-летие. К знаменательной дате новое помещение получил музей Государственного академического русского театра. Мне довелось присутствовать на его торжественном открытии.

Первую экскурсию по шести залам музея провел высокого роста, уже немолодой человек с седой головой и такими же седыми, чуть опущенными усами. Это был директор музея, один из старейших русских писателей, современник Островского, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, — Николай Дмитриевич Телешов. Тогда-то я и познакомился с ним. Когда Николай Дмитриевич провел экскурсию, я попросил его рассказать историю создания музея.

— Знаете, — сказал Телешов, — здесь нам не дадут с вами поговорить как следует. Вы давайте, мой друг, приезжайте сегодня вечером ко мне домой, на Покровский бульвар.

И вот я впервые в гостях у Телешова, в той самой поистине исторической квартире, где проходили в свое время знаменитые писательские «среды». Здесь бывали Чехов, Мамин-Сибиряк, Куприн, Вересаев, Серафимович... На одной из «сред» Горький впервые прочел «На дне». Прочитав в 1924 году воспоминания Телешова, Алексей Максимович написал ему письмо: «Воспоминания» читал, был тронут кое-чем —

славная вы душа! Пришлите книгу — перечитаю вновь. Сильно мы пожили, не правда ли? Крепко жму Вашу руку, старый, хороший товарищ!»

С Николаем Дмитриевичем мы беседовали в его кабинете, сплосшь уставленном шкафами с книгами. Вот у этого письменного стола, в этом самом кресле сидели Нemiрович-Данченко, Поленов, Левитан... В комнате стояло пианино.

— Помню, — рассказывала Николай Дмитриевич, — как за этим инструментом сидел Рахманинов, а рядом с ним в белой русской рубашке, в высоких сапогах стоял Шалалин. Устанет Рахманинов, за пианино садится Шалалин и под собственный

дагоги, ученые, писатели, артисты, работники сельского хозяйства. Из Таганрога сообщали, что его избрали членом совета музея А. П. Чехова, свидетелем начала творческого пути которого он был.

А вот письмо от его постоянного корреспондента Ивана Петроловича Малюткина из Челябинска. Много лет Телешов вел с ним переписку.

— Это очень интересный, самобытный человек, — рассказывала Николай Дмитриевич. — Ему присылал книги Горький, с ним вели переписку Короленко, Щепкина-Куперник, Дрожжин. Серафимович...

Мне довелось быть у Николая Дмитриевича в день его 85-летия. В это утро поч-

табрьском вечере 1947 года. Как всегда, писатель просматривал свежую почту.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал он. — Посмотрите на этого старого европейца в модной шляпе и с «бабочкой» на шее. Не узнаете? Это Бунин.

И Телешов прочел мне открытку, присланную из Парижа:

«Нынче получил твое письмо от 7 сент. Дорогой Николай Дмитриевич, — рад, что оно такое бодрое, счастливое! На днях писал тебе, с каким редким удовольствием прочел книгу Твардовского «Василий Теркин», забыл прибавить, что недавно восхищен был одним рассказом К. Паустовского «Корчма на Брагинке». Сейчас

вам покажу еще одно бунинское письмо. Тут уж настоящая трагедия. Я получил его в мае 1941 года из оккупированного фашистами Парижа. Письмо от русского человека, оказавшегося на чужбине, вдали от Родины, от друзей. Вот оно. Читайте, читайте вслух.

«Дорогой Митрич, довольно давно не писал тебе — лет 20. Ты, верно, теперь очень старенький — здоров ли?.. Я был «богат». Теперь волею судеб, вдруг стал нищ, как Иов. Был «знаменит» на весь мир — теперь никому в мире не нужен — не до меня миру! В. Н. очень болезненна, чему помогает и то, что мы весьма глупы. Я пока пишу — написал недавно целую книгу новых рассказов, но куда ее теперь девать? А ты пишешь? Твой Ив. Бунин».

На полях этого письма было написано: «Я сед, худ, но еще ядовит. Очень хочу домой»

...Каждый раз, когда я иду по Покровскому бульвару, я останавливаюсь у дома № 8 дробь 15. На его фасаде установлена мемориальная доска с барельефом пожилого красивого человека. На черном мраморе начертаны слова:

«В этом доме в 1913—1957 годах жил и работал русский писатель, заслуженный деятель искусства РСФСР Николай Дмитриевич Телешов».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ
ВСТРЕЧИ

ВЕЧЕРА У ТЕЛЕШОВА

Всеволод
ШЕВЦОВ

аккомпанемент начинает петь русские песни, одну лучше другой...

Потом я часто бывал в гостях у Николая Дмитриевича. Особенно любил приходить к нему по вечерам. В комнате у него был всегда полумрак. На письменном столе горела лампа с высоким абажуром. Писатель разбирал очередную почту, внимательно читая каждое письмо. Ему писали люди самых разных профессий — пе-

та писателя была особенно обширной. Поздравление прислали и его киевские друзья. Они сообщали о том, что день рождения Телешова будут отмечать в семье старого ученого, друга писателя — профессора Букреева, которому тогда исполнилось... 95 лет.

Эту небольшую корреспонденцию мне хочется закончить рассказом об одном проведенном у Николая Дмитриевича сен-

тишу тебе на портрете старика Ив. Бунина, который вместе с В. Н. (Вера Николаевна Бунина, жена писателя) от всей души обнимают тебя. Из Бунина».

Телешов кончил читать, вынул из ящика стола чистый конверт и бережно положил в него полученную из Парижа открытку. Помолчав немного, он задумчиво сказал:

— Бунин... Ив. Бунин... Вот я сейчас